

Николай Майоров

«Пусть почитает Майоров, истфак!»

Осенью 1938 года в одном из старых университетских зданий на улице Герцена студенческая литгруппа собралась на первое регулярное занятие. Почему-то все уже что-то знали друг о друге. Будущие биологи и географы, химики и математики, физики и историки читали свои стихи . Из разных углов раздавались уверенные голоса: «Пусть почитает Майоров, истфак!»

Но Майоров смущенно отнекивался - то ли от робости, то ли от гордыни. Казалось, он примеривается к чужим стихам, звучащим в аудитории, мысленно сравнивает их со своими, выбирает - "что прочесть?" Наконец начал читать.

Крепко стиснутым кулаком он, этот "Майоров, истфак", словно бы расчищал живой мысли стихотворения прямую дорогу через обвалы строф. И к концу того первого вечера стало очевидно: это будет "первая ракетка" в поэтической команде университета.

Николай Майоров был высоким, сильным и добрым. Мир в его стихах вставал объемным, весомым, зримым, цветным.

Остались от него недописанные поэмы, стихи, строки, осколки таланта. Но и сейчас неподдельной юностью и свежестью восприятия мира веет от этих стихов.

A black and white photograph of a young girl and a young boy. The girl is on the left, looking down and slightly to the right. The boy is on the right, looking down and slightly to the left. They appear to be in a close, intimate moment. The text is overlaid in the center of the image.

Я был высок, как это небо,
Меня не трогали цветы,-
Я думал о бульварах, где бы
Мне встретилась случайно ты,
С которой я лишь понаслышке,
По первой памяти знаком, -
Дорогой, тронутый снежком,
Носил твои из школы книжки.
Откликнись, что ли!
Только ветер
Да дождь, идущий по прямой.
А надо вспомнить -
Мы лишь дети,
Которых снова ждут домой,
Где чай остыл,
Черствеет булка.
Так снова жизнь приходит к нам
Последней партой,
Переулком,
Где мы стояли по часам.

Так я иду, прямой, просторный,
А где-то сзади, невпопад,
Проходит детство, и валторны
Словами песни говорят.
Мир только в детстве первоизданен,
Когда, себя не видя в нем,
Мы бредим морем, поездами,
Раскрытым настезь в сад окном,
Чужою радостью, досадой,
Зеленым людом балтийских скал
И чьим-то слишком белым садом,
Где ливень яблони сбивал.

Пусть неуютно в нем, неладно,
Нам снова хочется домой,
В тот мир простой, как лист
тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

Биография

Детские и юношеские годы Николая Майорова прошли в Иванове. Здесь он родился в 1919 году в семье рабочего. Еще в десятилетке начал писать стихи, которые читал на школьных вечерах, публиковал в стенной газете. Окончив школу, Николай переехал в Москву и поступил на исторический факультет МГУ. А с 1939 года он стал посещать поэтический семинар в Литературном институте им. Горького.

Писал он много, но печатался редко, да и то, как правило, в университетской многотиражке.

Даниил Гранин, вспоминая о Н. Майорове, друге студенческих лет, говорит: "Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надежного полета ей нужны тяжелые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи - земные, прочные, годные для дальних перелетов".

- Он полюбил веселые слова, когда было ему около двадцати. А в двадцать три его уже не стало.
- Летом 1941 года Николай Майоров вместе с другими московскими студентами роет противотанковые рвы под Ельней. В октябре его просьба о зачислении в армию была удовлетворена.
- 8 февраля 1942 года Николай Майоров был убит в бою на Смоленщине.

Нам не дано спокойно сгнить в могиле -
Лежать навтыяжку и приоткрыв гробы,-
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Он успел сделать сравнительно немного: его литературное наследство - это сто страниц, три тысячи машинописных строк. Но все это - настоящее. Он был весь обещание. И не потому только, что природа дала ему талант, а воспитание - трудоспособность. Он очень рано осознал себя поэтом своего поколения - глашатаем того предвоенного поколения, которое приходило к внутренней зрелости в конце 30-х годов.

Еще меньше, чем на поэта, Николай Майоров был похож на героя. Но и героем он стал таким же, как поэтом, - настоящим. Он умер, как сам предсказал: в бою. Доброволец-разведчик погиб, не докурив последней папиросы, не дописав последнего стихотворения, недолюбив, не дождавшись книги своих стихов, не окончив университета, не доучившись в Литературном институте, не раскрыв всех возможностей.

Все в его жизни осталось незавершенным, кроме нее самой. Но стихи его, сработанные для дальнего полета, продолжают свой рейс: у них сильные крылья - такие, как он хотел.

Уходя, он вошел в разряд незабываемого. И навсегда помнится, что он был

Мы

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы -
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы - спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.
Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете как миф,
О людях, что ушли, недолюбив

Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах
устных

Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.

А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх - и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть не точны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва,
Нам жажда зноем выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И, как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

